

А. Власихин

ЗЕЛЁНЫЙ СВАТ

**Очерк о Василии Афанасьевиче
Меньшикове**

Власихин, А. Зеленый сват / А. Власихин // По совести, по – коммунистически. – Киров: Волго – Вятское кн.изд., 1965. – С.106-118.

Впервые мне довелось услышать о «зеленом свате» лет восемь назад... Однажды в Великом Устюге ранним солнечным утром шли мы с инженером Григорием Яковлевичем Фрейдиным вдоль студеной Сухоны-реки. Переливаясь, блестели ее неутомимые струи. Едва трепетали листья тополей и кленов, растущих по берегам. Воздух был удивительно свеж и чист.

Затем мы вышли на Советский проспект. По проспекту тянулись густые аллеи, у домов были скверы, а неподалеку от Яикова – поселка сплавщиков – мы вошли в огромный сосновый парк, окаймленный широкой полосой березовых рощ.

- Гордость устюжан, - Григорий Яковлевич вытянул руку навстречу шумящей на легком ветру зеленой громаде, - Рукотворный...

И действительно, парк поражал именно «рукотворностью» и какой-то особой, не навязчивой опрятностью. Он был под стать городу с его строгой красотой, прямыми улицами, белыми зданиями.

Григорий Яковлевич рассказал мне историю рождения парка. Когда-то были здесь два сада рядом: в одном были сосны, в другом березы. Устюжанам не понравилось это разделение и они соединили их в один городской парк культуры и отдыха. И получилось, будто сосновая роща надела белый наряд с черными узорами сарафан.

А помог всему этому бывший подпольщик большевик Васендин Александр Никанорович, сорок с лишним лет назад работавший здесь председателем губисполкома.. До сих пор помнят его устюжане. Александр Никанорович любил свой город и поддерживал все новое, что предлагали устюжане, чтобы он

был лучше и краше. Это был энергичный, инициативный человек. И такие же люди подобрались вокруг него.

К дедушке Васендину, как любовно звали в городе, так и льнула молодежь. Но особенно подружился с ним белобрысый, немалого роста, длиннорукий парень лет девятнадцати. Васендин любил сады, а длиннорукий приехал из Вельской лесной школы. Устроившись на работу в лесной отдел губернского земуправления, он сразу же ... учинил скандал в исполкоме: «Город-красавец, а сада хорошего у вас нет. А что есть, так все запущено. Позор!».

Досталось от лесного кондуктора, как тогда называли окончивших лесные школы, и Васендину, хотя тот ему в деда годился.

Васендин с удовольствием выслушал молодого лесоведа и назначил его руководителем работ по озеленению города.

Потом не раз видели их вместе: председателя – старика с живыми, задорными глазами – и лесоведа – долговязого и задиристого юношу. Видели в исполкоме у карты – схемы города, на субботниках по озеленению улиц.

А ведь в это время полыхало пламя гражданской войны. Интервенты пробирались от Архангельска и Котласа к Великому Устюгу. Так вот, длиннорукий...

- Почему все длиннорукий да длиннорукий? Имени, что ли у него не было?

- Было, конечно. Но точно не помню: то ли Мишаков, то ли Меньшиков. Говорят, он жив - здоров и где-то заготавливает лес. Чуть ли не в Сибири. Кажется, в должности начальника треста или комбината.

А золотые же у него были голова и руки! Он сам планировал, где сажать деревья, составлял эскизы садов и скверов и с группой энтузиастов осуществлял задуманное. Парк этот – его детище. В нем он, можно сказать, проложил каждую аллею, каждую тропинку, каждую беседку поставил на свое место. На могиле

героев гражданской войны посадили цветы, а около нее белокурые кудрявые березки – тоже по его инициативе.

Да, пожалуй, и всей этой зеленой благодати – Фрейдин повел рукою вокруг – дал он путевку в жизнь. Приглашали его и в Вологду, и в другие места. Там он тоже занимался реконструкцией бывших купеческих и архиерейских садов, разбивал бульвары и скверы. Не один, конечно...

- Так все же, Мишаков или Меньшиков?

Фрейдин с сожалением пожал плечами.

- Не помню. Узнать можно... Старожилов надо спросить.

Но узнать точно фамилию длиннорукого садовода мне пришлось через много лет, и не берегах Сухоны, а в Кировской области, в Лузе, «столице вятских лесопильщиков».

В Лузу я ездил по своим журналистским делам. Красив этот небольшой городок! Почти у каждого дома клумбы, кустарники, деревья самого неожиданного разнообразия.

Очень гордятся жители городским парком. Два года тому назад лузяне, стар и мал – лесопильщики и сплавщики, рабочие и служащие, пенсионеры и школьники – привели в порядок большой сосновый бор, благоустроили его, построили эстраду, на широких аллеях и тенистых тропках поставили скамейки, в укромных местах – беседки. И назвали его Парком Мира.

Долго ходил я по парку, дышал воздухом, наполненным запахом сосны, и радовался созданной человеком красоте. И все это время меня не покидало странное чувство, будто где-то я уже видел этот парк. Но где, когда?

И вспомнил: да в Великом Устюге! Восемь лет назад! Там план парка примерно был тот же.

Кто же проектировал этот парк в Лузе?

- Меньшиков проектировал его, - сказал мне один из местных старожилов, любитель-садовод Арсений Кошкин. – Василий Афанасьевич в нашем городе живет. Депутат горсовета, сейчас пенсионер. «Зеленым сватом» зовут его лузяне. И неспроста.

«Меньшиков? Любопытно!... Нужно с ним увидаться, - подумал я.

К сожалению, застать «зеленого свата» дома не удалось. Сказали, что он куда-то уехал и вряд ли скоро вернется.

А любопытство мое возрастало.

Через несколько дней оно было случайно удовлетворено: я вместе со знакомым партийным работником Михаилом Николаевичем Штанько ехал в Мураши. Нашим соседом в купе оказался высокий сутулый старик с упрямым твердым подбородком и длинными руками с узловатыми пальцами. Видно было, что человек потрудился на своем веку основательно. Старик тяжело дышал, часто облизывал полные синеватые губы.

- Вы не знакомы? – сказал Штанько.- Василий Афанасьевич Меньшиков. А это ...

- Любишь ли ты, корреспондент, сады? – внезапно и несколько грубовато спросил Меньшиков. – Если любишь, садись ко мне поближе. Будем друзьями.

Разговор завязался быстро. Вели его чистосердечно. Втроем бранили тех руководителей леспромхозов, которые гонятся за кубометрами и забывают о запросах и интересах людей. Решили сообща пропагандировать идею: каждый лесной рабочий поселок – цветущий сад!

В пути обо всем не успели поговорить. Поэтому мы с Меньшиковым отказались от гостеприимства Штанько и до утра просидели в зале ожидания на станции Мураши. Он много рассказал мне о своей хлопотливой жизни. Я спросил его, почему он не побережет себя.

- Мне шестьдесят три, - задумчиво ответил он – На многое уже не рассчитываю... Вот и хочу успеть...

Когда работал в лесу, бывало ведь и так: рубили больше, чем вывозили. Поэтому я перед народом должник. А как лучше свой долг отдать? Думаю, что насадить сады, чтобы цвели они людям на радость. Помнишь, как Ленин мечтал о цветах, а садах, о красоте жизни. Ленинская мечта и в новой Программе партии

отразилась. Прочитал я Программу первый раз - даже совестно стало, много, ой как много погубил я красоты на своем лесорубском веку...

Неприятны мне «раскаивающиеся грешники». Душу от них воротит. Но Меньшиков не был таким человеком. Он не каялся, бия себя в грудь, а искренне и честно, по велению сердца старался как-то восстановить тот ущерб, что нанес природе.

- Василий Афанасьевич, - спросил я его как бы между прочим, - где вы начали свою лесную карьеру?

- В Великом Устюге, - ответил он.- Помню, попросил меня председатель губисполкома Александр Никанорович...

- Васендин!

- Он самый. А откуда о нем знаешь?

- Не только о Васендине - о многих друзьях ваших, товарищах. Ищут они вас до сих пор...

- Плохо ищут, - улыбнулся Меньшиков. А потом откровенно.- Да и как найти-то, когда я, словно цыган, по белу свету скитался. Часто переводили с места на место, и все почему-то на трудные или новые предприятия.

- И Василий Афанасьевич рассказал о своем житье - бытье. Очень запомнился мне тот рассказ, несмотря на длинную бессонную ночь. Приложилось к нему и то, что поведали о Меньшикове в Лузе. И какой же чудесный предстал передо мной человек!

Сначала работал Меньшиков в Великой Устюге, Вологде и других местах тогдашнего Северного края, а затем приехал на станцию Пинюг. Там он много лет работал директором леспромхоза. Знаменитый, можно сказать, был директор. За отличный труд лесорубы Пинюга получали переходящие Красные знамена. В сезоне тридцать пятого - тридцать шестого годов они получили знамя даже от рабочих Эльзас - Лотарингии. Позднее Меньшикова перевели в Сибирь. А в конце пятидесятого года он приехал в Лузу и стал во главе треста «Комилузтраслес» (спустя

несколько лет трест ликвидировали, а начальника его перевели в Лузскую сплавную контору).

Через несколько дней после приезда в Лузу Василий Афанасьевич поспешил в гости к местным властям.

- Да, здорово вы тут, братцы, живете! – резко сказал он председателю горсовета. - И не стыдно: на всю Лузу четыре тополя? А ведь Луза-то, дорогой товарищ, в сосняке строилась. Куда ты этот сосняк девал?

Председатель попытался было объяснить, что к исчезновению зелени в Лузе он не имеет никакого отношения. Но куда там!

- Нет, имеешь! – наступал на него Меньшиков. Потому имеешь, что махнул на все рукой и не подумал о будущем города. Коммунизм строим. А строитель коммунизма должен не только отлично работать, но и жить красиво. Где же в Лузе эта красота, когда от прежней лесной благодати остался один песок да грязь? Луза – река и та пересохла.

Пришлось согласиться с Меньшиковым: против правды что возразишь!

Потом собрал Меньшиков всех своих работников и поговорил с ними по душам. «Буду ссориться с теми, - заявил, - у кого дома окажутся голыми – без цветов и деревьев вокруг».

Не поленился он обойти всю Лузу и с глазу на глаз побеседовать со многими жителями. И всюду твердил одно и то же: «Наряжайте город в зеленый наряд. Что нужно, просите – помогу».

Не бросал слов на ветер Василий Афанасьевич. Хоть немало он леса вырубил, заготавливая его на нужды страны, но о новых насаждениях, о садах, цветниках не забывал ни на минуту и многих сговорил за это дело взяться.

С тех пор и прозвали его «зеленым сватом».

С его легкой руки стала постепенно хорошеть Луза, одеваться в зеленый наряд. Но вот ушел Василий Афанасьевич на пенсию. Неужели захиреет доброе дело? Пожалуй, не до цветов будет больному человеку...

А Меньшиков, получив пенсионную книжку, ни дня не отдыхал после самоотверженного многолетнего труда. Снова пришел к людям.

- Что я без вас? Нуль. А вместе с вами... Не смотрите, что я тяжело дышу. Сил у меня еще хватит!

И люди поняли его душевный порыв. Они с радостью предложили ему большую и почетную работу: Василий Афанасьевич стал заместителем председателя городского совета, причем заместителем необычным – на общественных началах. Собственно, после того, как он взял в руки пенсионную книжку, вся деятельность Меньшикова стала проходить только на общественных началах.

Он горячо взялся за дело. И снова – за зеленые насаждения. Обошел всю Лузу, побывал в каждом доме, записал, что кому нужно. Получился довольно объемистый список названий деревьев, кустарников, цветов, которые захотели иметь у себя лузяне. А потом, несмотря на нездоровье, поехал на Алтай, в Барнаул, к известному садоводу академику Михаилу Афанасьевичу Лисавенко и крепко там с ним подружился.

Дружбу, к слову сказать, еще больше скрепила небольшая брошюра Меньшикова «Опыт по озеленению Лузы», которую автор подарил академику. Сам страстный пропагандист садоводства, Лисавенко очень любил людей пишущих, но знатоков того или иного дела: «Грешно под спудом хорошую идею держать. На свет ее надо!».

Академик поддержал меньшиковскую идею – превратить Лузу и другие города Севера и лесные поселки в города и поселки – сады – и дал добрые советы и напутствия. А главное – помог получить восемнадцать тысяч саженцев и пять тысяч луковиц цветов из Горно-Алтайского и Ново-Алтайского питомников. И ассортиментом не поскупился: повез Меньшиков на север яблони чуть ли не двадцати сортов, крыжовник, вишню, смородину, облепиху, черноплодную рябину.

Привез он все это богатство в Лузу – и с огорчением узнал, что кое-кто из лузян посчитал его поездку на Алтай путешествием «в свое удовольствие», с какими-то выгодами – корыстями для себя. Видели бы злопыхатели, как этот «корыстный» человек под проливным сибирским дождем, утопая в грязи, харкая кровью и глотая валидол, пробирался в питомник Чемал или форсировал на чем бог послал буйный Чарыш, чтобы договориться с работниками Белоглазовского питомника о Белом наливе или Боровинке.

Опешил было Меньшиков, но быстро взял себя в руки. Злопыхателей оказалось раз-два и обчелся. А другие – таких было очень много – проголосовали за идею Меньшикова тем, что буквально расхватили драгоценный груз до последней веточки, до последнего семечка.

Как – то сам собой образовался актив садоводов – любителей – предшественников общественного совета садоводов Лузы.

Машинист паровоза Михаил Пензин с супругой, садовод сплавной конторы Кондрат Рон, пенсионер Николай Вольхин, бухгалтер лесобиржи Тамара Пономарева, заведующая детским садом Лидия Бутакова, пожарник Николай Цепилев, учителя Василий Савинский и Валентин Нечаев и еще многие стали рьяными пропагандистами озеленения Лузы.

Горячо поддержал это дело и председатель городского Совета Василий Иванович Потокин. Пожалуй, не проходит теперь ни одной сессии горсовета, на которой он не говорил бы о преобразении родной Лузы. В актив садоводов следует записать и редакцию местного радиовещания, и районную газету, которые чуть ли не в каждой передаче, в каждом номере призывали жителей к украшению города вятских лесопильщиков.

И нужно еще отдать должное лузским школьникам, пионерам. Это они завязали оживленную переписку – дружбу с академиком Лисавенко, с садоводами – пионерами нескольких городов и рабочих поселков области и страны, создали посты по охране зеленых насаждений, взяли шефство над Парком Мира.

Начало было положено. И хорошее начало. Лесопильщики Лузы поверили в то, что их город будет городом-садом.

Привезенных саженцев, луковиц на всех не хватило. Появились недовольные. Особенно после того, как оделись многие дома лужан в зеленые наряды. Кому не любо жить в окружении деревьев, цветов! Недовольные – к Меньшикову, к Потокину:

- Что же это получается? Кругом цветы будут, того и глядя фрукты появятся, а нас обошли.

- Так вы же сами не заказывали.

- Мало ли что бывает...

Пришлось Меньшикову снова собираться в дальний путь. Неонила Семеновна, супруга Василия Афанасьевича, поворчала было для порядка, но в дорогу мужа собрала.

Вернулся из Барнаула Меньшиков, как и прежде, не с пустыми руками. Двадцать четыре тысячи саженцев из Ново-Алтайского, Горно-Алтайского, Белоглазовского, Чемальского питомников пришли следом за ним в Лузу. А библиотека Меньшикова пополнилась интересной книгой «Пермские садоводы». На титульном листе ее написано: «Дорогому Василию Афанасьевичу Меньшикову с пожеланиями написать такую же книжку об опыте садоводов Кировской области. М. Лисавенко».

Много раз еще ездил Меньшиков в далекие алтайские края. Не однажды пришлось ему испытать сибирское бездорожье. Однако Василий Афанасьевич не пасовал перед трудностями – шагал туда куда надо, один на один со своим больным сердцем, которое поддерживавали мужество и самоотверженность этого настоящего человека.

...Однажды, совершенно случайно – пусть простит меня – побывала в моих руках личная записная книжка-дневник Меньшикова И, прежде всего, попала на глаза такая запись:

«В чем мое счастье? Жить и работать ради счастья других. Маркс говорил: «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не

согнемся под ее бременем, потому что это – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам».

Запомнил на всю жизнь стихи юноши Маркса:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.

В этом и мое счастье».

Василий Афанасьевич старался преобразить не только родной город. Да и одна Луза это еще что, город из молодых – двадцатилетний. На него зеленой одежды не так много требуется. Но подали голоса Лальск, Опарино, Пинюг, Юрья и многие рабочие поселки вятских лесов. Все звали «зеленого свата» к себе. А вкусы, запросы всюду были разные: одним подавай яблоню, другие хотят вишню, третьи – сирень или же акацию. Меньшиков старался всем дать просимое. И люди горячо благодарили его.

Правда, однажды было и так. Поехал Василий Афанасьевич на Алтай. Дали ему командировку на определенное количество дней. Но он пробыл дольше: опять помешал Чарыш. Он никак не хотел пропускать через свою ледяную кипень какого-то приезжего упряма. А тут неожиданно дал знать о себе тяжелый недуг. Не управился в срок Меньшиков, и оправдательных документов на причину задержки у него не оказалось. Нарушение, конечно... И в организации, пославшей его в командировку, решили денег нарушителю не давать.

- На нет, и суда нет, - махнул рукой Василий Афанасьевич. - Не для себя стараюсь – для людей. А они – поймут!

- Вот ведь как иной раз в жизни бывает...

Но вернемся к главному.

Хорошее, отзывчивое сердце у «зеленого свата». Хозяин его дал жизнь в рабочих поселках десяткам тысяч деревьев и кустарников. А цветам – нет числа.

Суть конечно, не только в самом озеленении. Меньшиков придает ему значение большого благородного дела. Сколько убедительных, зажигающих бесед провел он с людьми.

- Садоводство – дело великое. Оно имеет глубокий коммунистический смысл. Послушайте, - и он доставал из кармана небольшую памятную книжечку. Послушайте, что писал много лет назад молодой Энгельс:

Цветущим садом станет вся земля,
И все растенья страны переменят,
И пальма мира север приоденет,
Украсит роза мерзлые поля.

Это стихи о коммунизме, преобразующем землю в цветущий сад!

Пророческим оказались слова Энгельса! В нашей стране и пальма север приодела, и роза украсила мерзлые поля, и растения Алтая переместились в Кировскую область.

Со стихами Энгельса, как с паролем, появлялся Меньшиков и в квартире лесоруба, и в конторе леспромхоза, и в партийных комитетах, и в обкоме профсоюза, и в облисполкоме. Бывал Василий Афанасьевич и в министерствах и государственных комитетах, когда требовалась от них срочная и необходимая помощь садоводству, в рабочих поселках вятских лесов.

У меня хранятся (знаю, они есть у многих других, к которым обращался Меньшиков) чудесные меньшиковские письма. Они, как правило, украшены рисунками – лесным пейзажем или цветами. Привычка доставлять людям радость сказалась и тут. Кроме рисунков, обязательны стихотворные эпиграфы по теме письма. И многие письма Василий Афанасьевич начинает стихотворной строфой молодого Энгельса.

Энгельс подсказал, а встречи с людьми, беседы в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях родили в сердце коммуниста Меньшикова идею, горячо поддержанную лузянами и жителями соседних поселков: превратить каждый город и лесной поселок в цветущий сад!

В самой Лузе осуществляется теперь шестилетний план озеленения города. Ученики Лузской средней школы №1 решили к 1970 году, к столетию со дня рождения В.И. Ленина, превратить школьный двор в большой сад. Каждый ученик посадит деревья и около своего дома.

Планы озеленения есть у каждого предприятия и организации.

Вот какие дела породил меньшеиковский почин!

Много людей в тех местах, где жил и работал Меньшиков, добрым словом поминают его, присущие ему честность и прямоту, требовательность и чуткость. И скольким людям помог он в последние годы, работая в городском Совете...

- Любит людей Василий Афанасьевич.

Живет у Меньшиковых одинокая женщина Пелагея Карповна, которая пришла в дом к этим добрым людям много лет назад. Карповна теперь для них родной человек. И мало кто из лузян знает, что она не состоит ни в каком родстве, ни с Василием Афанасьевичем, ни с его женой Неонилой Семеновной.

Есть у Меньшиковых сын Юрий. Хорошего человека они из него вырастили. По стопам отца пошел Юрий Васильевич Меньшиков. Сейчас он работает мастером на Волжском деревообрабатывающем комбинате.

... Восемь лет назад я дал себе слово, во что бы то ни стало найти того, кто создал в старинном русском городе Великой Устюге чудесный парк. И вот я разыскал его. Теперь он крепко, навсегда вошел в мою жизнь, как и в жизнь многих людей.

Спасибо ему, что он такой!

А.Власихин,
1965г.